

Глава 2

—

Ян Цзяшэн еще не был совершеннолетним.

До восемнадцатилетия оставался всего месяц, так что большой проблемы в этом не было.

К тому же...

— С шестнадцати лет это уже не считается детским трудом, — подчеркнул Ян Цзяшэн.

Сюй Шуньхэ вернул удостоверение личности Ян Цзяшэну и сконфуженно улыбнулся:

— Я просто немного удивлен. Ты такой высокий, а по возрасту еще совсем юный. Семья не побоялась отпустить тебя на заработки так далеко?

Родной город Ян Цзяшэна находился в двух тысячах километров от Наньчжоу — это действительно очень далеко.

Ян Цзяшэн не знал, что ответить, поэтому лишь неопределенно хмыкнул и убрал документ. Сюй Шуньхэ не стал допытываться и предложил парню сначала прибраться в своей комнате.

— Я там время от времени убираю, но раз никто не жил, лучше тебе еще раз всё протереть.

Ян Цзяшэн взял предложенные Сюй Шуньхэ тряпку, ведро и швабру и поднялся наверх протирать стол и мыть пол.

Он уехал на заработки сразу после окончания средней школы и по опыту чувствовал: Сюй Шуньхэ человек покладистый. Тот не спешил сразу нагружать его работой, а дал время обустроиться.

Он производит впечатление добродушного, честного человека, и к тому же очень чистоплотного.

Ян Цзяшэн вымыл каморку вдоль и поперек, даже простая кровать на стальном каркасе заблестела. Он расстелил циновку, единственный рюкзак положил в ноги, а только что купленные банные принадлежности сложил в новый тазик и задвинул под кровать.

Одно плохо — жара.

На втором ярусе не было капитальных стен, две комнаты разделяла обычная фанера. Комната хозяина выходила окном на улицу, а его каморка изначально была складом, так что здесь не было даже крошечного окошка. Стоило немного поработать, как пот потек градом, и даже открытая дверь не спасала.

В июле-августе здесь будет совсем тяжко.

«Надо будет позже купить вентилятор», — подумал Ян Цзяшэн.

Только он об этом подумал, как железная лестница закричала — это поднялся Сюй Шуньхэ.

— Закончил? Если да, спускайся поесть.

Ян Цзяшэн удивился: «Разве в условия не входил только завтрак?»

Сюй Шуньхэ подошел к двери кладовки и, увидев обливающегося потом парня, сказал:

— Тут и вправду жарковато. У меня есть старый вентилятор, возьми пока, пользуйся.

С этими словами он принес маленький вентилятор, огляделся, но не нашел, куда его приткнуть — на полу слишком низко, обдуть не будет. В скудной обстановке комнаты не было даже маленького столика. Сюй Шуньхэ неловко улыбнулся и поставил вентилятор прямо на картонные коробки.

В коробках лежали пластиковые пакеты для упаковки завтраков, стаканчики для соевого молока, различные приправы — всё было рассортировано и аккуратно уложено.

— Ой, — вскрикнул Сюй Шуньхэ и снова скрылся в своей комнате. Через минуту он вернулся с удлинителем.

Оказалось, провод вентилятора был слишком коротким и не доставал до розетки.

Когда вентилятор наконец включили в сеть и он медленно завращался, Сюй Шуньхэ с облегчением спросил:

— Если чего-то будет не хватать — говори. На этой улице есть всё: супермаркеты, небольшие продуктовые магазины. Если нужно купить по мелочи, лучше иди в небольшие продуктовые магазины, там дешевле, чем в супермаркете.

— Насчет еды: выйдешь из лавки и иди направо или налево. В обе стороны полно закусовых: «Шасьяньские закуски», ланчжоуская лапша, фастфуд, бургеры — всё есть. Я обычно, если время есть, готовлю сам — так и экономнее, и чище. Но если, как в последние дни, рук не хватает и зашиваюсь, то покупаю готовое.

Сюй Шуньхэ болтал без умолку, будто несколько дней не находил слушателя.

— Сейчас выходил и по пути купил поесть. Не знал, что ты любишь, взял жареный рис с говядиной и рис с куриной ножкой.

— Без разницы, — ответил Ян Цзяшэн.

Они спустились вниз. Еда была расставлена прямо на столе для замешивания теста.

Сюй Шуньхэ придвинул две пластиковые табуретки, снова вымыл руки и сказал:

— Рис с курицей не острый. А в жареный рис с говядиной добавили кумин и перец, может немного пощипывать.

Ян Цзяшэн взглянул на Сюй Шуньхэ. В каждом его жесте сквозила мягкая внимательность — это была врожденная черта характера, возможно, отшлифованная годами заботы о ком-то.

Ян Цзяшэн предположил, что у него наверняка есть младшие братья или сестры, и он в семье за старшего.

— Я ем острое, — сказал парень.

Сюй Шуньхэ поставил рис с говядиной перед Ян Цзяшэном и снова выдал свою застенчивую,

неловкую улыбку.

— Я ем рано, обычно в половине шестого. Те, кто делает завтраки, ложатся рано, поэтому если поесть поздно, еда не успеет перевариться. Давай сначала поедим, а потом я расскажу тебе о работе.

Оба ели быстро. Ян Цзяшэн листал короткие видео в телефоне во время еды.

Обычно он смотрел ролики про игры. Сюй Шуньхэ же сосредоточенно ел, время от времени косясь в экран телефона Ян Цзяшэна.

— Любишь игры?

— Угу.

— Выглядит сложно.

— Да так, балуюсь иногда.

В последние месяцы Ян Цзяшэн играл мало. После целого дня на стройке вечером он просто валился на кровать, листал пару видео и засыпал — тут не до игр.

Просто смотришь их, а что еще смотреть?

Закончив обед, Сюй Шуньхэ убрал оба ланч-боксы, тут же дважды протер столешницу тряпкой, а затем тщательно вымыл саму тряпку со средством.

Ян Цзяшэн наблюдал со стороны: тряпка сохранила свой первоначальный синий цвет, она была чистой и выглядела как новая.

Сюй Шуньхэ продолжал говорить, не отрываясь от дела:

— Вечером работы нет. Перед сном просто замочи бобы, которые понадобятся завтра. Начинку для баоцзы я обычно готовлю еще накануне днем и ставлю в холодильник. Завтра утром первым делом замесим тесто. Пока оно будет подниматься, сделаем остальные мелочи: выжмем соевое молоко, налепим баоцзы, приготовим маньтоу*, сварим чайные яйца. В шесть открываемся. В это время в соседних кварталах просыпаются старики, да и рабочие, что рано выходят, заглядывают за булочками. Наш район — не центр города, поток людей здесь меньше, но вокруг жилые комплексы, а в двухстах метрах станция метро, так что по утрам народу полно. И те, кто на работу, и те, кто в школу — все приходят.

[*Маньтоу (馒头, Mántou) — это традиционные китайские паровые булочки, приготовленные из дрожжевого теста и популярные в Северном Китае. Они имеют мягкую, пышную текстуру и нейтральный, пресный вкус, напоминая белый хлеб без корочки.]

— В шесть людей немного, можно успевать и лепить, и продавать. А вот к семи-восьми набегает толпа. Все баоцзы должны быть поставлены в пароварки до восьми утра, иначе не успеем обслужить этот поток офисных работников и школьников. Самое оживленное время как раз с семи до восьми, после половины девятого становится гораздо легче.

— Работе будешь учиться постепенно. Завтра утром начни с простого: ты будешь упаковывать заказы, а я — лепить баоцзы. Из-за нехватки рук я эти дни делал меньше обычного, завтра сделаем где-то штук двести.

Ян Цзяшэн кивнул:

— Понял.

Сюй Шуньхэ добавил:

— Завтракаю я обычно самими баоцзы и маньтоу. Работы много, так что едим прямо в лавке.

— Мне всё равно, — Ян Цзяшэну было плевать на меню, лишь бы не умереть с голоду.

Закончив инструктаж, Сюй Шуньхэ замялся, не зная, что еще добавить. Постояв немного, он снова застенчиво улыбнулся:

— Если станет скучно, можешь выйти погулять. Я обычно после еды принимаю душ, немного сижу в телефоне и в половине девятого уже ложусь. Редко выхожу. В восемь я закрываю дверь лавки, так что если уйдешь — вернись до этого времени.

Было всего шесть вечера.

Ян Цзяшэн посмотрел на небо — было еще светло. Сказав, что хочет осмотреться, он вышел.

Он бродил по окрестностям два часа, обойдя всё кругом. Теперь он примерно знал, где находятся жилые комплексы, супермаркеты и магазины, и что продается на улицах.

Возвращаясь, он обнаружил на углу улицы маленький храм — похоже, храм Бога Земли. Перед храмом установили экран для кино, не очень большой, и там шла театральная постановка.

Перед экраном на принесенных из дома пластиковых или бамбуковых табуретах сидели несколько стариков и старушек. Помахивая веерами, они слушали оперу.

Ян Цзяшэн никогда такого не видел и остановился посмотреть. Пели на местном диалекте Наньчжоу, он не понимал слов, но были субтитры.

Впрочем, сюжет был стандартный: воссоединение семьи, всеобщее счастье и благополучие.

Скукотаща.

Он ушел. Когда он подошел к дверям лавки, сквозь уличный шум до него донеслись тягучие звуки оперного пения, плывущие в воздухе.

Он прожил в Наньчжоу уже два месяца, но только сейчас впервые почувствовал, как внутри него разливается странное, незнакомое чувство.

Лишь когда он принял душ и в полузабытьи растянулся на кровати, готовясь ко сну, до него дошло: этим незнакомым чувством было одиночество, которое человек испытывает на чужбине.

—